

Соб. Россия 1980 / Страна

НЕДАВНО МНЕ ПОПАЛОСЬ на глаза интервью, в котором певица, отвечая на вопрос, как она находит новые песни, ответила:

— Очень просто — по телефонному звонку: мне звонят композиторы и предлагают их!

Ответ краткий, быть может, эффектный, но он скорее свидетельствует об особом мнении исполнительницы, чем отражает существо дела. Как было бы все просто: мне позвонили — и я запела!

Настоящие песни рождаются иначе. Конечно, бывает, что все начинается с телефонного звонка. Если имя исполнителя приобрело известность, ему шлют ноты, тексты еще не написанных песен (иной раз и после звонка по телефону). Случаются среди них и подлинно талантливые произведения. Но чаще всего в этом, как говорят в редакциях издательств, «самотеке» вне зависимости от его художественного уровня оказывается далеко не то, что нужно исполнителю.

Я заметила одну закономерность: стоит спеть какую-либо удачную песню на определенную тему, ну скажем, «Мой старый парк», как вслед за ней поступают десятки предложений с песнями о садах, скверах и парках. Хорошо, если бы они содержали хоть что-нибудь новое — кто же будет возражать против разработки интересной темы! — так нет же. Иной раз кажется, что новая песня — та же, что стала популярной, только хуже.

Так вот, если исполнитель, известный он или только начинает творческий путь, всерьез озабочен репертуаром, то он ищет свою песню. Это значит — думает, о чем она должна быть. Думает повседневно и даже ежечасно — автоматически. Без пристального внимания к жизни, изучения ее творчества теряет живительные соки и гибнет...

Помню, в конце 1943 года мы вернулись в Москву после длительной гастрольной поездки. Мы побывали на Кавказе — в Тбилиси, Ереване, Грозном, Баку, а затем переехали в Среднюю Азию, где выступали в Красноводске, Ташкенте и других городах...

В Москву мы приехали для подготовки новой программы — Комитет по делам искусств принял решение провести творческий смотр новых работ артистов советской эстрады. Не знаю, как проведаль о нашем возвращении В. П. Соловьев-Седой, но чуть ли не на следующий день после того, как мы разместились в гостинице, он появился в нашем номере.

— Ну как, — спросил Василий Павлович после обычного обмена новостями, — вот скоро кончится война — опять будем петь о любви?

— А что, разве эта тема устарела? — в свою очередь спросила я.

— Нисколько! Наоборот — о ней далеко не все сказано. — Он был явно чем-то озабочен. — Война идет к концу, и сегодня нужно петь уже не только о разлуках, продиктованных войной, не только об ожидании встреч, но и о радостях предстоящих свиданий. Ждать осталось недолго — надо укреплять в людях надежду на встречу с любимыми, хоть и не каждому доведется эту радость пережить. А вообще сейчас настало время и для иных песен. Уж очень мы стали суровыми, отвыкли улыбаться. Вы — не в счет, — он впервые за беседу улыбнулся сам, — но мы, композиторы, мало пишем новых песен, если не шуточных, то хотя бы с улыбкой! А люди, вы

Народная артистка СССР Клавдия Ивановна Шульженко передала в издательство «Молодая гвардия» рукопись своей книги о творческой жизни, об эстраде, о современных исполнителях песни. Отрывок из нее в записи Г. Скороходова мы предлагаем нашим читателям.

СУДЬБА ПЕСНИ

заметили, стали чаще улыбаться — победа не за горами. Улыбаться надо бы и в музыке!

В тот вечер он показал мне стихи Михаила Исаковского:

Не тревожь ты себя, не тревожь!

Обо мне ничего не загадывай.

И когда по деревне идешь,

На окошко мое не поглядывай!

Стихи мне очень понравились, и я согласилась, что они могут стать веселой и лукавой песней...

Шуточные песни всегда были предметом моей особой заботы. И не потому, что они дают возможность исполнителю продемонстрировать разнообразные «краски». Чувство юмора свойственно нашему народу, оно, как и песня, помогает и строить, и жить, и любить. А как ценили юмор, шутку на фронте! Построить программу без шуточных песен для меня означало не только «обокрасть» себя, но и представить обедненным мир моего современника.

С волнением ожидала я новую песню Соловьева-Седого. Через несколько дней он принес не одну, а сразу две. Первая из них — «Не тревожь» — оказалась несколько необычной.

Композитор написал ее в стиле русского бытового романса, используя ритм медленного вальса. Благодаря этому на первый план вышел лирический пласт стихотворения, музыка как бы подчеркивала сдержанную страстность героини, ее надежду на встречу с любимым, на тот вечер, когда она скажет ему, «что самую судьбой предназначено». Юмор, ирония по отношению к тому, другому, которому не надо тревожиться, писать записки и раздаривать свои фотографии, в песне были ослаблены, ушли в подтекст. В этом-то и была сложность задачи, вставшей передо мной, — соединить серьезный разговор о любви с шуткой, насмешливой улыбкой. При решении этой песни я исходила из одного — характера героини, такого, каким он мне представлялся, — натуры сильной, цельной, умеющей любить и ждать любимого, отвергающей с легкой иронией любые «знаки внимания» нелюбимого...

Сколько я спела песен — не знаю. Никогда не считала. Наверное, несколько сотен. И за каждой стоит труд композитора, поэта, исполнителя. В нашем деле количество не переходит в качество. Каждая песня законченное, самостоятельное произведение, и когда певец приступает к нему, разве он знает, какая судьба ожидает песню, найдет ли она путь к сердцу слушателя, запомнится или пройдет мимо, никого не задев, а если и заденет, то надолго ли — каков будет возраст песни: останется ли она вечно молодой или ее ждет преждевременная старость? На все эти вопросы вряд ли кто-нибудь может ответить...

Когда я познакомилась с песней «Студенческая прощальная», мне показалось, что ее авторы композитор Л. Поляковский и поэт О. Милаевский нашли интересную ситуацию: закончено учение, получен диплом, настали минуты прощания со ставшим родным вузом. Что возьмет с собой в дорогу вчерашний студент — такова была тема этой песни.

Начала работать над ней. Но с каждой репетицией, а затем и исполнением «Студенческой прощальной» в концертах словно бы испарялось то обаяние, которое чудилось мне в ней поначалу, и в конце

концов наступило полное охлаждение. А некоторые строки даже начали раздражать своей ложной значимостью. Главное — она была вторична, то есть повторяла то, что было завоевано, открыто другими. И тут я предвижу законный вопрос: почему же исполнитель не сумел разглядеть такие явные недочеты раньше?

Не сумел. Порой тема увлекает нас, кажется нужной и значительной, злободневной, интересная ситуация, удачно найденный образ — и мы готовы закрыть глаза на все остальное. К сожалению, так случается. И снисходительность, отступление от высоких требований тут же начинают мстить нам: песня угасает, не обретая настоящей жизни, труд, затраченный на нее, пропадает даром. Остается одно утешение — учиться на ошибках, стремиться не повторять их...

РАССКАЗАТЬ ОБО ВСЕХ встречах с композиторами и поэтами, оставивших след в памяти, в певческой биографии, просто невозможно. И все же о встречах с И. О. Дунаевским не могу не рассказать. Их было не так много, но я постоянно чувствовала дружеское внимание и поддержку замечательного композитора и человека и старалась платить ему тем же — ведь не всякая дружба измеряется количеством встреч или числом часов, проведенных вместе.

Встреча с творчеством его произошла много лет спустя после первого знакомства — в конце сороковых годов. Это была трудная для него пора. После довольно длительного периода, когда он написал сравнительно немного песен («Какой-то злой шутник», — сказал он мне, — изменил мое имя, назвав меня «Иссяк Осипович», намекая на то, что я вообще больше не способен что-либо написать»), периода, естественного в творчестве, композитор набирал новые силы. Вскоре действительно начался новый взлет — достаточно вспомнить сверкающий мелодиями, насыщенный песнями фильм «Кубанские

казаки», за музыку к которому он был удостоен Государственной премии 1951 года...

Мешали его творчеству и те ревнители старины, которые пытались насаждать давно всеми забытые «падеграсы», «пазефиры» и «падепатинеры» и с упорством, достойным лучшего применения, яростно отрицали вслед за рапповцами двадцатых годов современные танцы. Дунаевского, к примеру, критиковали за то, что в его новой песне обнаружили «тангообразные признаки!» Исаак Осипович решительно отстаивал свою точку зрения и в дискуссиях, и в творчестве — именно в эти годы он создает произведения, написанные в современных танцевальных ритмах и завоевавшие любовь и признание огромного числа слушателей.

В ту нашу встречу Дунаевский принес две песни «Окрыляющее слово» и «Письмо матери», необычные по форме — я бы их назвала балладами — и новые для меня по теме. В первой из них, суровой, мужественной, написанной с броскостью политического плаката, шла речь о юноше из франкистской Испании...

«Письмо матери» — песня-монолог о человеческой трагедии необычайно волновала меня. Да и кого могла оставить равнодушной горестная судьба француженки, простой женщины из Руана, потерявшей в войне трех сыновей. Свое письмо-протест против войны, против новых смертей она пишет в Москву, которая стала для нее символом мира.

Обе песни имели успех, особенно «Письмо матери». Дунаевский поздравил меня, благодарил и за свои песни.

— Судьба песни часто зависит от того, в чьи уста она вложена, — сказал он тогда.

На одной из наших репетиций к выступлению перед делегатами комсомольского съезда Дунаевский вдруг робко предложил:

— Не хотите ли послушать совсем новую мою песню? Может быть, ее тоже стоит спеть для комсомольцев?

Новой песней оказался «Школьный вальс». В него я влюбилась, что называется, с первого взгляда...

Эта песня оказалась «без возраста», ее полюбили и те, кто еще учится, и те, у кого школьные годы позади. На съезде ВЛКСМ, где я эту песню спела впервые, ее приняли очень горячо.

Замечательный поэт Михаил Матусовский, перу которого принадлежат и стихи к «Школьному вальсу», написал стихи к еще одной, очень дорогой мне песне Дунаевского «Молчание».

В ней воплотились яркие черты его дарования: и романтическая приподнятость, и лирическая задушевность, и прозрачность как бы идущей из сердца, кажущейся бесконечной мелодии.

«Молчание» оказалось одной из последних его песен. Не так уж много его песен довелось спеть мне. И тем не менее они оставили большой след не только в моем репертуаре, но и во всем творчестве. Молодой бескомпромиссный характер композитора, поиски новых тем и форм, его требовательность к себе, полное отсутствие самоуспокоенности — близки и понятны мне. В музыке Дунаевского запечатлены черты его характера, оттого его произведения и остаются молодыми...

Говоря о тройственном союзе «композитор — по-

эт — исполнитель», я мало сказала о его среднем звене, а ведь стихи к песням — моя первая забота. Поэзия — основа песни. От поэзии зависит, наполнится ли песня глубоким содержанием, подлинными чувствами, значительными образами. Не будет этого — не спасет самая хорошая музыка.

СЛУШАТЕЛИ УЗНАЮТ певца не только по его имени, но и по манере пения, репертуару, кругу тем. В качестве примеров назову певиц, за творчеством которых внимательно и с удовольствием слежу не один год.

Гелена Великанова. Она запомнилась еще на вступительном экзамене в Эстрадную студию, где вместе с Александром Вертинским, Леонидом Утесовым, Тамарой Церетели мне довелось быть членом приемной комиссии. Хрупкая, изящная девушка с высоким прозрачным голосом пела, читала, танцевала, и мы единогласно решили, что под руководством опытных мастеров (студией руководил мхатовец Б. Я. Петкер, а занималась Геля в классе народной артистки СССР О. Н. Андровской) она станет хорошей эстрадной певицей.

Надежды наши оправдались. Гелена Великанова, отбрасывая все случайное, не свойственное ее натуре, сумела найти свою исполнительскую манеру и свой репертуар. Ей подвластна подлинная поэзия — не случайно она поет песни на стихи Сергея Есенина, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Андрея Вознесенского. У нее есть свое видение мира, в ее песнях раскрывается душа человека, стоящего на страже добра, утверждающего свое право на любовь.

Эдита Пьеха. Начав с зарубежных песенок в интернациональном молодежном ансамбле, она постепенно выработала свой творческий почерк. Она всегда остается очень женственной, элегантной — и в пении, и в умении одеваться, и в манере держаться на эстраде. Репертуар ее меняется — приходят новые песни с иным, более глубоким постижением жизни и иными героями, но все эти не противоречат существу певицы — она никогда не насилует свой лирический талант. Пьеха умеет петь как бы для каждого слушателя в отдельности. И на сцене, и в записях для пластинок она остается изящной, но не высокомерной — ее искусство близко и понятно всем слушателям.

Алла Пугачева очень талантлива. Ее яркая индивидуальность и артистизм принесли ей успех: зрители охотно идут на ее концерты, «двойной» долгоиграющий альбом пластинок «Зеркало души» с записями ее песен печатается большими тиражами. Ее манера пения — яркая, броская. Певица любит сильные страсти, драматические ситуации. И вместе с тем способна быть предельно сдержанной в своих чувствах и простой — достаточно вспомнить песни из «Иронии судьбы».

И все же хочется посоветовать Алле Пугачевой быть строже к себе, строже формировать свой репертуар, не гнаться за последним «криком» моды. Мы часто видим зарубежных исполнителей, и среди них немало талантливых, своеобразных, вызывающих наше восхищение. Но подражать им не имеет смысла: все рождается на своей почве, заимствовать то, что свойственно другим обычаям, нравам, темпераментам, не стоит. Певица останется модной, если будет развивать и совершенствовать свой талант, его природу. Это дружеский совет человека, который хотел бы, чтобы искусство Пугачевой было долголетним, пользовалось устойчивой любовью слушателей.